



ИСКУССТВА И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Включает 40 кн. „Сборника“, содержащего сочинения Г. Успенского, Г. Гауптмана и гр. А. Толстого, а также приложения, 12 №№ „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подается по почте: на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Включает собрание сочинений гр. А. К. Толстого в 2 кн.

Г. XXXIX

1908

Иска на „ИВУ“ 1909 г.



Венскихъ розахъ. Картина А. Хитченса.

поспѣть сказать до
ый, хорошій! Общай,

ти и Ростя будеть со-
тъ, — ну, пусть тебѣ
чикъ, лживый, пороч-

ты общай мнѣ без-
и сыномъ, — въ Рож-
его издадека, и будешь

яты акушерскими па-
тыя двери были видны
лечками въ ногахъ.

ѣ полутемномъ кори-
ка и, сказавъ: „все
полутѣмъ, безшумно и
нительно-чистой пеле-
Маруся и Чигиринецъ
инѣ, царившей за за-
концѣ его была узень-
и была тоже узенькая и
окраской, и единствен-
и дватабурета. Маруся
Чигиринецъ подошелъ
раздичному оживлен-
ъ, и ободранныя стѣны
звукѣ и красокъ,
а окномъ уныло чер-
одно изъ нихъ, самое
единственного въ ком-
рутиль и трепаль по-
де послушно и безпо-
глянуть внизъ: тамъ,
очернѣвшая и обомшѣ-
ленимъ желѣзнымъ
низенькой дверкой:
женщины въ синихъ
хмаленныхъ шляпахъ.
— „законницы“ орден-
нѣ повернулъ голову,
тъ. Но она сидѣла на
или послѣднія краски,
ѣ широкаго воротника,
мъ нарядѣ она была
ее въ первый разъ,
азимо-трогательное въ
ькой, свѣтло-русой го-
лъ руками и спрятали
защищая ее отъ того,

галась ночью. Послѣ
дѣтъ больную. Помѣ-
комнатѣ, похожей на
ой системѣ винтовыхъ
наго кресла и въ со-
асъ внизъ. Тамъ около
а маленькая черново-
фильтръ къ большой,
и, что это Роза Але-
фельдшерница, которая
аціи, и посмотрѣла на
аго чепца черныя куд-

ряшки и молодое, задорное лицо фельдшерницы
со смѣсью страха и уваженія.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — замахала на нее
Роза, когда Маруся подошла къ ней поздоро-
ваться: — я теперь — тотъ же часовой: „лицо не-
прикосновенное, — не спать, не дремать“ и даже чести
никому не отдаю. Видите, — для васъ сулемовый растворъ
готовлю.

Между тѣмъ Марьяна-сидѣлка уже ползала по полу, разстилая
половики, споласкивая ванну и размѣшивая въ ней воду длин-
нымъ градусникомъ. Это была высокая, тонкая, какъ жердь, съ
выгнутою спиною и вдавленною грудью женщина. И когда она
вдругъ закашлялась, Маруся и фельдшерница удивленно поглядѣли
на нее, точно не изъ ея впалой груди, а изъ большой бочки вы-
рвался этотъ громкій, пустой звукъ. Марьяна стояла выпрями-
вшись, прижимая обѣ руки къ груди, и въ ея черныхъ, окружен-
ныхъ синевою глазами выражался ужасъ вмѣстѣ съ жалкимъ
чувствомъ виновности.

— Подите, Марьяна, отдохните немного, — ласково сказала
фельдшерница.

Когда сидѣлка вернулась въ ванную, Маруся уже раздѣлась и
опустилась въ воду, которая легонько пощипывала кожу отъ рас-
пущенной въ ваннѣ морской соли. И Марьяна принялась мыть и
споласкивать въ тяжеломъ тазу русую косу молодой женщины,
намыливать губками и жесткими щетками ея тѣло, вытирать его
бензиномъ и спиртомъ.

„Здѣсь, здѣсь будутъ рѣзать“, — думала Маруся, отдаваясь по-
корно въ умѣлыя, ловкія руки Марьяны и испуганно закрывая глаза.

— Готово! — сказала сидѣлка, любясь на молодую женщину,
точно та была наряженная ею кукла: — ни пылиночки!

— Иди и спать! — съ ласковой строгостью приказала Роза.
Но заснуть было не легко. Сердце то замирало, то начинало
биться съ безумною силой. Посреди потолка, какъ разъ надъ
кроватю, съ тонкимъ, назойливымъ свистомъ горѣлъ газовый
рожокъ. И, казалось, этотъ яркій, переливающийся, мучительный
свѣтъ проходилъ сквозь закрытыя вѣки, жгучимъ огнемъ разли-
вался по тѣлу, расплавлялъ мозгъ въ головѣ. Мутный туманъ
первосонья только-что сомкнулъ покрасѣвшія отъ напряженія
вѣки Маруси, когда въ коридорѣ раздались звонкіе, увѣренные
шаги и въ дверь заглянуло румяное, выхоленное лицо молодого
ассистента.

— А! барынька моя милая! Вижу — вы ужъ въ полномъ па-
радѣ: и ванна, и бензинчикъ, и бѣлый больничный халатикъ.
Пожалуйте ручку!

И съ заученною ласковостью моднаго дамскаго врача онъ взялъ
ея руку и нѣжно пожалъ, нащупывая въ то же время лихорадочно
трепетавшую жилку пульса.

— Такъ! — Отлично! — Вздохните! Глубже! — Еще глубже! —
ронялъ докторъ по слову въ одинаковые, разъ навсегда затвер-
женные промежутки.

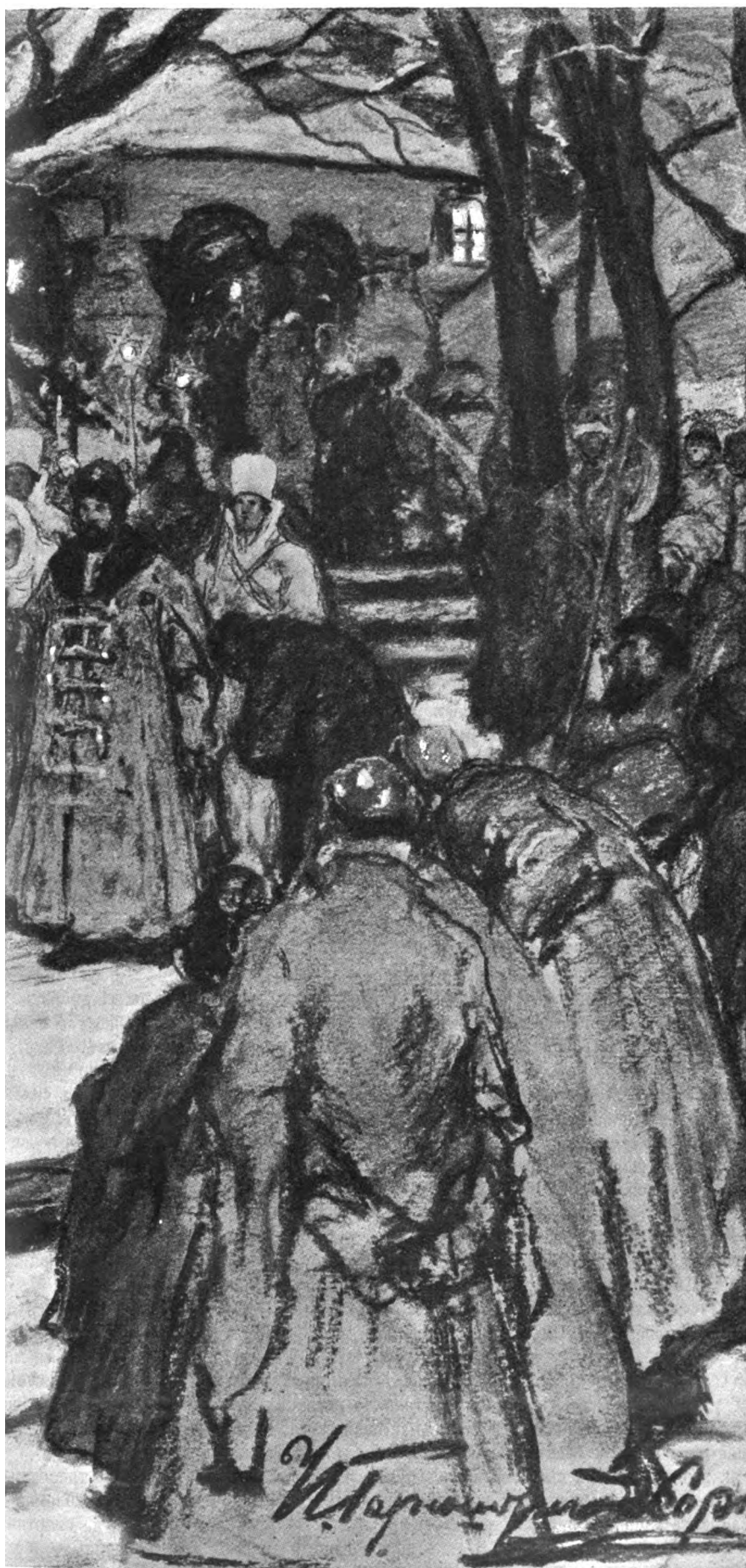
Его шелковистые волосы щекотали ей то грудь, то плечи,
то подбородокъ, а запахъ крѣпкихъ духовъ, смѣшанный съ за-
пахомъ только-что выпитаго вина и выкуренной сигары, раздра-
жалъ нервы до послѣдняго истерическаго напряженія.

— Восхитительно! Сердце у васъ золотое: заведено ровно на
сто лѣтъ!

Онъ выпрямился, обѣими руками закинулъ за уши длинные
рыжеватые волосы и сказалъ съ лѣнивой улыбкой, точно сооб-
щая ей что-то успокоительное и пріятное:

— Бѣда съ этимъ Николинымъ днемъ! Уходя изъ дому, даъ
себѣ зарокъ cadaго именинника поздравить только одной рю-
мочкой. И по одной допоздравлялся до того, что въ головѣ
колеса заходили: порядочно выпито!

Онъ опять тѣмъ же ласкающимъ жестомъ пожалъ ей
руку и вышелъ. И мысль, что этотъ подвыпившій
балагуръ черезъ пѣсколько часовъ будетъ держать
въ своихъ рукахъ ея жизнь, что отъ малѣйшей
невѣрности его движенія для нея навѣки погас-



дѣть. — Есть, сыночек; съ праздника „Трехъ Ко-
азы-ролей“ шестой годъ ему пойдетъ.
— Гдѣ же онъ?
вась! — А при мнѣ-таки... По правиламъ петься ни-
ка, а кого при клиникѣ держать, да мнѣ профессоръ,
дай ему Богъ здоровья, ничего не говорить. Можетъ, и не
иною знаетъ... А какъ придетъ въ нашъ корпусъ панъ смотритель,
той, такъ мой Франя забьется подъ кровать, да, какъ тотъ зайчикъ,
въ самый темный уголъ и схоронится: знаетъ, что ему быть не
можно. И товарки дитя не обижаютъ: мало того, что каждая изъ
ности своей миски ложку борщу плеснетъ, — еще и балуютъ, — та изъ от-
больша пуска яблоко принесетъ, та — пряникъ. Ну, и я, чѣмъ умѣю, ка-
ждой служу: одной кружевка свяжешь, другой рюмочку поднесешь.
му къ А ужъ дежурства!.. За всякую дежурить приходится, такъ что,
домой, дрога пани, мнѣ казаться стало, что я родилась и умру на дежур-
ватилъ ствѣ... Дать бы то Богъ!

... А то — Чтѣ вы говорите, Марьяна?!

кимъ ее — А конечно... Слабая я. Ассистентъ и то хотѣлъ выпнать:
енькую, будто у меня чахотка. А я куда пойду? На улицу... Стала я пла-
кать. А паниа фершалка рассказала профессору. И такъ они по-
вернули, что не чахотка, а будто у меня „верхушки“. А мнѣ все
и сбѣ-равно, отъ чахотки или отъ „верхушки“ умирать, лишь бы тутъ,
жиданіи въ больницѣ.
за опу- — Почему?
гъ поро- — Ахъ, пани! Тутъ для дѣтей, матери которыхъ въ больницѣ
день зо-умираютъ, приютъ есть: — „законницы“ сиротъ и кормятъ и
ино-тихо учатъ, какъ панскихъ. Чисто водятъ, а потомъ до школъ отдають.
изошлись. И былъ одинъ случай, что такой питомецъ на ксендза выучился.
изъ ниж-У насъ - таки, въ Люблинской губерніи, всѣ его знали... О
въ ночь такомъ счастіѣ для своего мальчика я и не думаю, а хоть бы ма-
о тишинустерству научили, — и то хлѣбъ въ рукахъ.
жествен- — Марьясю! Марьясю! — послышался въ коридорѣ голосъ
тъ неба, и старшей сидѣлки, и ея приземистая, широкая фигура заслонила
дѣлку: собою просвѣтъ двери.

отъ, — на — Слухамъ, пани! — отозвалась Марьяна, вскакивая на ноги.

— Вотъ чтѣ, дѣвка: попроси пани, чтобъ тебя на малый часъ
складномъ отпустила. И Кася и Каролька у насъ наверху: ради святого
глядѣла въ вечера сварили мы кружечку померанцовки. А ты все равно не
ыла истон-пнешь... Снеси въ прачечную послѣдній узелъ.

за лихора- — Слухамъ, пани!

пятна. Ды-Маруся видѣла, какъ въ коридорѣ румяная, растрепанная
края табу-Каролька задала на плечи Марьянѣ огромный узелъ, какъ та
ну въ тактъподъ его тяжестью сразу осѣла, потомъ медленно пошла по ко-
бѣ полилисьридору, заплетая ногу за ногу. Глаза молодой женщины стали
влажными отъ жалостливыхъ слезъ. Но сейчасъ же, ярко и тор-
жествующе, въ сознаниі выплыло огромное, необъятное, сверкаю-
щее счастье новой жизни. Въ комнатѣ стоялъ смолистый запахъ
„тѣсной воды“ съ ароматомъ свѣжихъ фіалокъ. Съ чуть слыш-
нымъ шорохомъ сгорали и рассыпались въ непелѣ пылающіе угли
въ каминѣ. Однообразное гудѣніе газового рожка теперь каза-
лось торопливымъ и веселымъ. Отъ его свѣта кровать за-
ставили широкою ширмой, и тѣнь падала на лицо и грудь Ма-
руси, оставляя въ яркомъ, красноватомъ свѣтѣ ея руки. Она
подняла къ самому лицу эти блѣдныя, тонкія, точно чужія руки
и внимательно разсматривала ихъ розоватыя ладони, прозрачную
кожу, подъ которой бились синія жилки, родинку между безымен-
нымъ пальцемъ и мизинцемъ, чуть пониже обручальнаго кольца.
У Рості есть такая же родинка: по ней онъ ищетъ правую руку.
когда надо креститься. И, вспомнивъ сына, Маруся сдѣлала на
тѣни умывающагося „зайчика“ съ глазомъ и прядящими ушами —
и разсмѣялась порывистымъ, беззвучнымъ, дѣтски-блаженнымъ
смѣхомъ.

А Марьяна не возвращалась. Была ли слишкомъ тяжела
ерти доходимся, ея послѣдняя ноша, или услышать молитву о сынѣ посла-
бы только Богъ-вшій Своего Сына, но она дошла только до стараго
оклинуло за то, вяза у дорожки. Тамъ неизвѣданная истома охва-
тила все ея тѣло. Съ тихимъ стономъ опустила
Марьяна узелъ на землю и тяжело привалилась къ

.. То-эти „мамы“ не такія, какъ днемъ: исчезла стро-
надъ-гая важность ихъ лицъ, исчезла заученная плав-
ой въ-ность движеній... И лежатъ онѣ, старыя и моло-
трупы-дья, съды и бѣлокурныя, неподвижно и безпомощно,
виза-почти такія же блѣдныя, какъ была прежняя мама
въ гробу. То тамъ, то здѣсь ребенокъ ласкаетъ дрожащей,
блѣдной рукой складки одѣяла или любовно приникаетъ гу-
боками къ краю подушки. Потомъ подходитъ къ окну. Франя
токъ, очень малъ, и когда приподнимаетъ тяжелый занавѣсъ окна, —
до съ-его глаза приходится вровень съ нижнимъ переплетомъ рамы.
сорѣ. Онъ видитъ за окномъ вѣтви стараго дерева, порхающія снѣ-
и осы-жинки и за вѣтвями — большую золотую звѣзду. Онъ знаетъ,
инки и-что это — Божье оконце, изъ котораго святыя смотрятъ на землю.
дственной Онъ знаетъ, что его мать умерла въ святую ночь, когда гудѣли
то эта-колокола, и пошла мимо запертыхъ воротъ чистилища прямо на
Але-небо. За нее онъ спокоенъ: она, какъ и онъ самъ, въ добрыхъ
ѣтскія-рукахъ, — у Младенца Иисуса.

й кро-Тотъ, кому случится быть въ Варшавѣ, съ удивленіемъ уви-
въ „за-дять между изящнымъ зданіемъ Филармоніума и многоэтажными,
остели-нарядными домами улицы Бодуэна маленькую черную часовню,
авляли-сиротливо прислонившуюся къ обомшѣлому стволу стараго дерева.
отской Это—все, что осталось отъ стоявшей здѣсь вѣка больницы Мла-
днца Иисуса. Кажется, духъ новыхъ временъ, пролетая надъ
ѣлымъ этимъ мѣстомъ, опустилъ свое всеильное крыло и не посмѣлъ
тъ кро-коснуться старой часовни, гдѣ остыли тысячи мертвыхъ тѣлъ,
и ему, политыя живыми, горячими слезами, и вѣкового вяза, корни ко-
ра, всѣ-торого выпили послѣднюю теплую кровь материнскаго сердца...

ВЕНСКІЯ НОЧИ.

(изъ Арно Гольца).

А наверху-то что! что наверху для насъ!
Тамъ пушка мѣдная—вотъ выпалитъ сейчасъ;
И рядомъ съ ней гусаръ, обшитый галунами:
Сдается, что и онъ съдобенъ,—между нами!

Остолбенѣвъ и рты разинувъ до ушей,
Притихъ шумливый рой восторженныхъ гостей —
И, словно огоньки въ летучихъ переливахъ,
Тренещутъ сладостно сердца ребятъ счастливыхъ.

Свѣтла, какъ небо, глазъ невинныхъ бирюза.
На нашихъ же блеститъ докучная слеза.
Мы стали «взрослыми» давно ужъ, къ сожалѣнію,
И міръ нашъ обреченъ особому вращенію—
Все болѣе вокругъ конторки дѣловой,
Ахъ, въ насъ ужъ радости не вызоветъ былой
Ни поѣздъ крохотный изъ крашенаго щика
Ни съ тѣльцемъ розовымъ изъ марципана свинка!
Къ игрушечной трубѣ нашъ пылъ давно погасъ—
Зато реѣхстагъ теперь интересуется насъ;
То, какъ влюбленные, по биржѣ мы тоскуемъ,
То потерейми фортуны испытываемъ,
И пути тяжкіе несемъ въ концы копцовъ.
Короче говоря, чтобъ зря не тратить словъ,
Мы—умницы, дѣлцы, не дѣти, а большіе!

Не нынче только, нѣтъ, не въ эти дни святыя!
Былое ибидитъ насъ, какъ вѣяніе сна,
И нынче Божій міръ—не слка ли одна,
Кипящая намъ зажженными свѣчами?

Безостановочно проносятся надъ нами
Воспоминанія, какъ тѣни прежнихъ лѣтъ,
И плачетъ каждое: насъ нѣтъ уже! насъ нѣтъ!
И пѣсня старая звучитъ, полна печали:
О, если бы дѣтми опять, опять мы стали!

В. Лихачевъ.

— да на немъ. Она старалась быть въ высшей степени на приветливой, очевидно, главнымъ образомъ имѣя въ виду то обстоятельство, что ихъ коровы безвозмездно пасутся въ стадѣ моего отца на нашей землѣ, что отецъ каждое лѣто посылаетъ священнику нѣсколько возовъ сѣна и дѣлаетъ разныя другія одолженія.

— Если бы меня спросили, что именно я говорилъ тогда попадѣ, я затруднился бы сказать. По всей вѣроятности, это были очень большія глупости, потому что она каждую минуту дѣлала огромные глаза и восклицала:

— Охъ, что это вы, Павелъ Васильевичъ, развѣ такъ можно говорить!

И дѣло вовсе не въ томъ, что я говорилъ, а въ томъ, что, къ моему удивленію, попадья ни какъ не обижалась на мои глупости, а только краснѣла отъ нихъ. Изъ этого я заключилъ, что у нея есть нѣкоторая склонность къ легкомыслію.

А когда я вспомнилъ о непрезентабельной наружности отца Елеазара, то мнѣ стало ясно, что иначе и быть не можетъ.

Какъ-то незамѣтно, среди разговора я пересѣлъ нѣсколько ближе къ хозяйкѣ, однако не настолько близко, чтобы это было неприлично для попадья, и въ тотъ моментъ, когда я, рѣшивъ въ душѣ сдѣлать еще одинъ шагъ, хотѣлъ совсѣмъ пододвинуться къ ней, въ сѣняхъ послышались шаги и скрипнула дверь.

То, что произошло въ эту минуту, было глупѣе всего, что только можно было выдумать.

Рѣшительно ничего не было подозрительнаго въ томъ, что попадья усадила своего гостя, и еще такого почетнаго, какъ сынъ арендатора, на диванъ и сама сѣла неподалеку отъ него и занимала его разговоромъ.

Но очевидное дѣло, что у попадья въ этотъ моментъ совѣсть была не совсѣмъ чиста.

Почувявъ шаги мужа, она вскочила съ мѣста, какъ ужаленная, и лицо ея, и шея, и руки и, должно-быть, вся она — покраснѣли, точно ихъ облили кипяткомъ.

Вошелъ отецъ Елеазаръ въ зимней касторовой рясѣ, въ высокихъ валенкахъ, съ шеей, обвязанной шарфомъ. Вошелъ и остановился.

— У насъ гость? — спросилъ онъ, развертывая шарфъ: — а я прямо съ улицы... Ужъ извините, Христа ради.

Попадья засуетилась, и опять-таки во всѣхъ ея движеніяхъ совершенно явственно проскальзывало выраженіе виноватости.

— Это Павелъ Васильевичъ... насчетъ сѣдла. А только нѣтъ у насъ сѣдла. Ну, такъ вотъ—разговорились...

И при этомъ она дѣятельно помогала отцу Елеазару развернуть шарфъ, снять рясу и валенки, въ чемъ онъ, повидимому, вовсе не нуждался.

Отецъ Елеазаръ привѣтъ себя въ домашній видъ, поздоровался со мной, а попадья вдругъ исчезла. Волей-неволей мнѣ пришлось серьезнѣйшимъ образомъ объяснять, почему и для чего мнѣ нужно сѣдло, хотя оно мнѣ вовсе не было нужно, а отцу Елеазару — выражать сожалѣніе по поводу того, что у него нѣтъ и никогда не было сѣдла.

Дальнѣйшій разговоръ завязывался плохо, поэтому я всталъ и простился. Попадья уже не вышла.

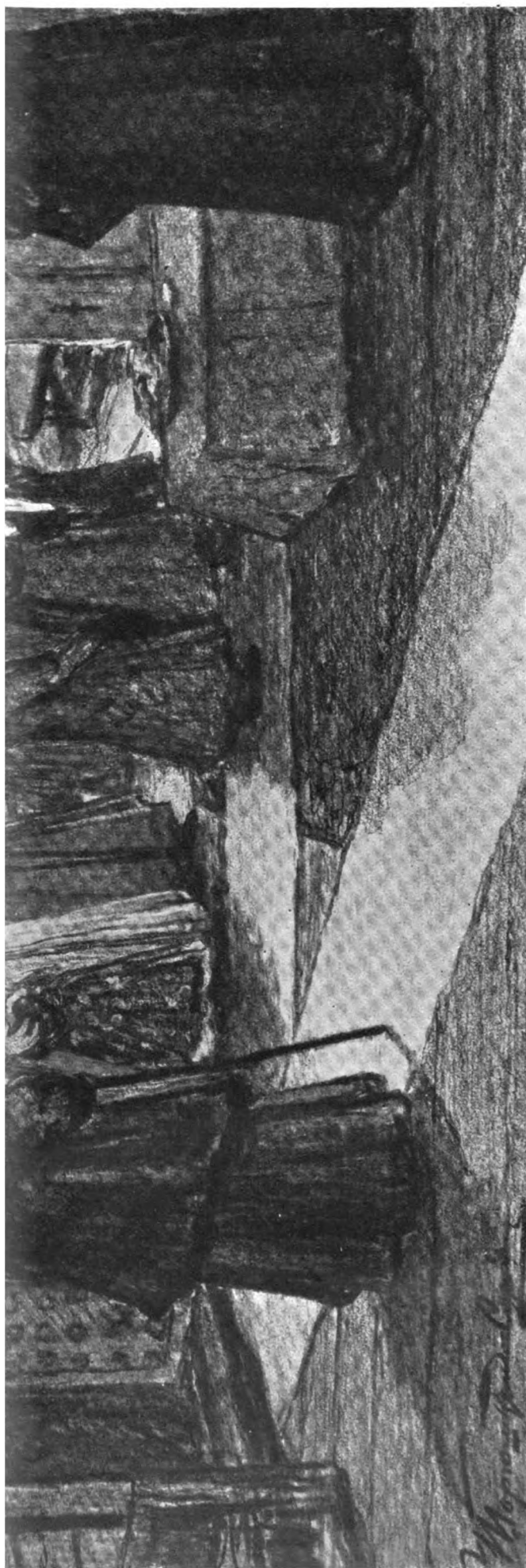
Когда я шелъ домой, прежнимъ порядкомъ сопровождаемый дворовыми собаками, у меня почему-то было ощущеніе пойманнаго на мѣстѣ вора. Отецъ Елеазаръ рѣшительно ничѣмъ не показывалъ мнѣ, что онъ что-нибудь замѣтилъ. Но мнѣ казалось, что поведеніе попадья само за себя говорило и не могло остаться внѣ сферы его наблюденія.

III.

Я вовсе не собираюсь рассказывать, какъ именно я ухаживалъ за попадѣй. Къ чему? Ухаживаютъ всѣ одинаково. Одни играютъ на тѣхъ слабостяхъ женщины, другіе на иныхъ.

Кажется, еще никому не удалось изобрести, въ этой области что-нибудь новое.





Древняя Русь. Славильщичи въ моленной комнатѣ боярина. Оригинальный рисунокъ И. С. Горюшкина-Сороколудова.



съ хризопразомъ.

кий разсказъ Ю. Чаева.

ними лакеями, не были забыты дворцовые переходы и коридоры, а также и другіе апартаменты.

Перстень съ хризопразомъ нигдѣ не находился.

Вскорѣ за вернувшимся во дворецъ посланнымъ, явился туда и самъ оберъ-полицеймейстеръ.

Начался строгій опросъ всѣхъ лакеевъ, прислуживавшихъ на куртагѣ. Строгость Рылѣева была всѣмъ извѣстна въ городѣ, не меньше чѣмъ его знаменитыя слова:

„Въ каждомъ дѣлѣ есть виноватый, а если таковой не имѣется, то нужно во что бы то ни стало его сдѣлать“.

— Я не посмотрю на то, что вы служите при дворѣ, всѣхъ упеку куда Макарь телятъ не гонялъ! — громко кричалъ оберъ-полицеймейстеръ на боязливо толпившуюся передъ нимъ дворцовую челядь.

Онъ старательно вглядывался въ лицо каждого, пытаясь вырвать сознание въ винѣ, но все-таки никто не сознавался, и въ одинъ голосъ всѣ повторяли:

— Не знаемъ, куда дѣлся этотъ клейнодъ свѣтлѣйшей княгини!

— Запору, — грознымъ шопотомъ повторилъ Рылѣевъ и, отыскавъ среди поблѣднѣвшихъ лицъ черное, блестящее, точно, вычищенное ваксой лицо придворнаго арапа — скорохода Самсона, злобно прибавилъ:

— Ужъ не я буду, коли не посажу за рѣшетку эту черную образину!

Испуганный его обѣщаніемъ арапъ только ворочалъ громадными бѣлками и безпомощно повторялъ:

— Моя не брала перстень!

Накричавшись вдоволь, грозный оберъ-полицеймейстеръ, ничего не разузнавъ, отправился къ Дашковой, невольно чувствуя какую-то несвойственную ему робость передъ любимницей императрицы.

IV.

— Ужъ вы только, матушка княгиня, не безпокойтесь, разыщу вора и перстень вамъ въ цѣлости предоставлю, — успокаивалъ опъ недовольную медленностью розысковъ Дашкову.

— А на кого ты подозрѣнія имѣешь? — сухо спросила она Рылѣева.

Оберъ-полицеймейстеръ смутился.

— Да прямого пока ни на кого, вѣдь воръ, какъ клейнодъ вашъ воровалъ, руки своей не оставилъ. Да, кстати, примѣты его, матушка княгиня, мнѣ сообщите.

Дашкова слово въ слово повторила все, что разсказала уже Рылѣеву посланный фельдъегерь.

— А особая примѣта этого камня: обведи ты имъ троекратно вокругъ наука, тотъ сейчасъ же сдохнетъ, — закончила Дашкова.

— О, матушка Екатерина Романовна, и впрямь перстень-то вашъ чудесный, не должно потерять такой клейнодъ! А знаютъ ли объ этомъ свойства камня кто другіе?

— Всѣмъ во дворцѣ это вѣдомо. Ея императорское величество императрица Екатерина Алексѣевна сама пробовать изволила и немало дивилась этому.

— Найду, — рѣшительно произнесъ оберъ-полицеймейстеръ.

Чудесное свойство хризопраза навело его на оригинальную мысль: онъ былъ увѣренъ, что поспѣвая блестяще удался.



тъ ве-
нести
гребо-
емыхъ
строго
въ по-
столя.

въ васъ

го при-
ступая
при чемъ
ясь вол-

ковъ, съ
ротянулъ

пкахъ въ
орой кон-

толку все
дѣйстви-
тели съ не-
считая его
не оправ-

своей вы-
приказаніе
рунный или

Францъ Ива-
на, куда онъ
и объ учре-
довольнымъ.

ня Екатерина

ювной, поссо-

руку, Дашкова
однашнихъ не-

часъ же ушелъ
аго помадника
ка, пригото-
вать ровно.

домой, на Ва-
даться пѣшкомъ

раннего его воз-
пришлось долго

акричать онъ на
омъ къ калиткѣ,
ся бы еще больше;

имъ сномъ, а Па-
алась въ кухню.

сть и, не зажигая
и парикъ и при-

стоявшаго вмѣстѣ
помады на пред-

желая тревожить
вны, на сварливый
но безосновательно

намекнула княгиня Дашкова, улегся здѣсь же,
въ кабинетѣ, на старинномъ кожаномъ диванѣ.

VII.

— Баринъ, а баринъ, проснитесь! — будила
заспавшагося академика Палашка: — кулеръ пакетъ
приволокъ...

Нѣмецъ, быстро вскочивъ съ дивана, накинуть на себя
халатъ и, сунувъ босые ноги въ туфли, рѣзво выбѣжать въ
прихожую.

Дрожащими руками распечатать овъ переданный ему курье-
ромъ пакетъ.

Это было приглашеніе на слѣдующее засѣданіе академіи.

Кромѣ курьера въ прихожей находился другой посѣтитель.
Эпинусъ сразу узналъ Петрова.

— А, это ты, verfluchter Spitzbube Семень! Я тебя научу дѣ-
лать помадъ! — закричалъ Эпинусъ, топая ногами.

— Спасибо, батюшка, Францъ Ивановичъ, съ измальства мы
уже этому дѣлу научены. Шесть годовъ у француза Монтре вы-
жилъ, досконально, какъ помаду дѣлать, дошелъ! — низко цокло-
нившись кричащему, съ недоумѣніемъ отвѣтилъ помадчикъ.

— Да ты какой помадъ мнѣ приносить? Одинъ волосъ къ дру-
гой не приклеить! — горячился академикъ.

— Простите, батюшка Францъ Ивановичъ, но вина тутъ не
моя. Сами приказывать изволили, чтобы подешевле было, поживе.
Само собою разумѣется, и составъ не такой, какъ другимъ кла-
дешь, масло тамъ, значить, похуже, розмаринъ, да и воску...

— Ну, ну, теперь бери свой помадъ назадъ и дѣлай мнѣ луч-
шій! — смягчился Эпинусъ, сознавая справедливость возраженій
Петрова.

— На, возьми эта банка, Семень, — возвратившись изъ ка-
бинета и передавая ее помадчику, добавилъ онъ: — скорѣй только
сдѣлай другой помадъ.

— Не задержу, Францъ Ивановичъ, самъ знаю, время-то какое,
святки на дворѣ, принесу скоро. — согласился Петровъ и ушелъ.

VIII.

— Скупъ старый нѣмчура, а я его все же подковаль! — ска-
залъ Семень, возвратившись домой, женѣ, старательно стиравшей
вмѣстѣ съ сыномъ-подросткомъ жиръ съ воскомъ для помады. —
Сотрите-ка для него помады погуще, воска побольше положить
нужно, чтобы лучше клеить.

— Самый крѣпкій нумеръ для него сдѣлаемъ, тятенька! —
бойко отвѣтилъ подростокъ Яша: — ажко потомъ волосы не раз-
лѣпятся, какъ парикъ-то намажешь.

Семень поставилъ принесенную имъ банку съ помадой на по-
лочку въ углу, снялъ кафтанъ и принялся самъ за работу.

Кромѣ помады, въ семьѣ Семена Петрова приготовлялись бла-
говонная вода, мыло личное, пудра и румяна.

Издѣлія Семена Петрова славилась въ то время среди петер-
бургскихъ баръ, заказы у него не переводились, работы было
всегда достаточно.

До обѣда проработать помадчикъ не покладая рукъ.

— Ну, теперь можно и поѣсть! — рѣшилъ мастеръ, смывая
жиръ съ усталыхъ рукъ.

Жена хлопотала съ обѣдомъ. Семень подошелъ къ полочкѣ,
чтобы взять солоницу.

— Что за притча такая, откуда свалился въ солоницу паукъ? —
изумленно прошепталъ онъ, поглядывая на завѣшенный паутиной
уголъ.

Но изумленіе его еще усилилось, когда, отобѣдавъ, онъ снова
подошелъ къ полкѣ: на ней валялось еще нѣсколько околѣвшихъ
пауковъ.

— Моръ, что ли, на нихъ какой нашелъ?

Къ утру около большой помадной банки, принесенной
имъ отъ Эпинуса, вся полочка была устлана пауками.

— Диковина просто! Ужъ не положилъ ли ста-
рый нѣмчура какого яда въ мою помаду? Снести-ка
ему въ-обратъ, что ли, какъ бы законъ неприя-
тели не страдаться!



въ кражѣ мо- Помадчикъ боязливо сталъ исполнять ея приказаніе.
 азился испугъ, — Тутъ что-то такое есть, — замѣтилъ онъ,
 нецъ оскорбле- роясь въ банкѣ, и вытащилъ оттуда перстень.
 ходу: Екатерина Романовна сразу узнала потерянный ею
 клейнодъ.
 снить вамъ, — Пропажа его объяснилась очень просто:
 гъ, стоявшій въ Когда она на куртагѣ во дворцѣ шутиливо приглаживала не-
 покорный кокъ Эпинуса, волосы парика зацѣпились за веницей-
 скіе узоры перстня и незамѣтно стащили его съ ея пальца.
 ѣе другихъ бу- Возвратившись домой, академикъ, вѣшая въ темнотѣ на бол-
 вана парикъ, не замѣтилъ упавшаго въ помадную банку перстня
 и отдалъ ее Семену Петрову.
 ибели пауковъ Вручая по золотому ефимку арану-сорокоходу и помаднику Се-
 мену Петрову, обрадованная Екатерина Романовна съ добродуш-
 ной улыбкой промолвила:
 — Сіе приключеніе столь изумительно и невольно смѣхъ вы-
 зываетъ, что я сегодня же доложу объ ономъ ея императорскому
 величеству, всемилостивѣйшей государынѣ нашей императрицѣ
 Екатеринѣ Алексѣевнѣ!

казала княгиня.

К О Н Е Ц Ъ .



О рождественскихъ розахъ.

Стихотвореніе Б. Никонова.

И видитъ дѣвочка—предъ ней
 Посланникъ неба свѣтлокрылый.
 «Не плачь, бѣдняжка, не грусти!—
 Промолвилъ кротко гость небесный:—
 «Ты можешь Богу принести
 «Своихъ слезинокъ даръ чудесный.
 «Взгляни, малютка: на землѣ,
 «Куда твои упали слезы—
 «Тамъ вырастаютъ, тамъ во мглѣ
 «Цвѣтутъ прекраснѣйшія розы.
 «Ты розы свѣтлыя сорви,
 «Иди къ завѣтному порогу
 «И даръ страданья, даръ любви
 «Отдай, дитя, Младенцу—Богу!»
 И вотъ, съ кошицею цвѣтовъ,
 Цвѣтовъ, усѣянныхъ шипами,
 Она вошла подъ Божій кровъ,
 Сіяя свѣтлыми слезами...
 И ей въ отвѣтъ въ очахъ святыхъ,
 Какъ искры, звѣздъ сверкнули слезы—
 И изо всѣхъ даровъ земныхъ
 Христось-Младенецъ выбралъ розы...

